

Т. Г. Иванова

РУССКАЯ ИСТОРИЯ: ВЗГЛЯД НАРОДА И ФОЛЬКЛОРИСТА
(Исторические песни / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева.
М.: Русская книга, 2001. — 526 с. (Библиотека русского фольклора. Т. 7))

Рецензируемая книга прежде всего обращена к широкому кругу читателей, интересующихся русской историей, и издана в серии «Библиотека русского фольклора», которая уже завоевала их любовь и уважение. Однако сборник, подготовленный С. Н. Азбелевым, мы не сомневаемся, вызовет живой отклик и в среде профессиональных фольклористов. На этом издании лежит печать яркой индивидуальности исследовательской мысли его составителя. Перед нами не просто очередная фольклорная антология, отражающая устойчивые научные представления об определенном явлении устной традиции, а книга, предлагающая читателю своеобразный, может быть, в чем-то спорный, но, безусловно, интересный угол зрения на исторический фольклор русского народа.

Первая проблема, встающая перед всяким исследователем, который соприкасается с песенно-историческим фольклором, — это осмысление жанровой природы песен. Во вступительной статье С. Н. Азбелев предлагает свое решение этого вопроса. Фольклорист полагает, что современные исторические песни восходят к «древнейшим песням-славам, песням-плачам, песням-поношениям и песням-хроникам» (С. 7), и убедительно показывает, что тексты, записанные в XIX в., содержат в себе элементы прославления и оплакивания героев, хуления и осмеяния врагов и хронику исторических событий. Вслед за другими исследователями С. Н. Азбелев признает, что понятие «историческая песня» — это не жанровая, а наджанровая категория. Историческая песня, помимо произведений, характеризующихся «чистотой» жанровых признаков, включает в себя тексты былинного («Щелкан Дудентьевич», некоторые варианты «Скопина-Шуйского»), балладного («Авдотья Рязаночка»), духовного («Борис и Глеб», «Александр Невский») характера.

Главное, что объединяет произведения песенного исторического фольклора, — конкретный историзм. С. Н. Азбелев принадлежит к тем ученым, которые в известном споре сторонников так называемой «исторической (неисторической) школы» (В. Ф. Миллер, А. В. Марков, Б. М. и Ю. М. Соколовы, Б. А. Рыбаков, Ф. М. Селиванов, С. Н. Азбелев и др.) с их противниками (В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Ю. И. Смирнов и др.) настаивает на том, что конкретный историзм как тип фольклорного мышления возник не в поздние средневековые времена (XIV в.), а много ранее, уже в эпоху Киевской Руси. И, следовательно, уже в X—XIII в. в русской

устно-поэтической традиции существовали произведения, которые мы сейчас называем историческими песнями, то есть произведения, отражающие конкретные исторические факты, лишенные мифологической фантастики, наличествующей во многих былинах — более древнем жанре; однако песни ранних эпох до нас, к сожалению, как правило, не дошли. Одним из аргументов в пользу этой точки зрения для исследователя является типологическое сопоставление исторического фольклора русского народа со скандинавскими песнями скальдов IX—XII в. По содержанию песни скальдов, как известно, — конкретные повествования о реально происходивших событиях. Трудно не согласиться с С. Н. Азбелевым, что уровень развития исторического самосознания народа Древней Руси нимало не отличался от уровня общественного мышления других европейских народов, и поэтому нет никаких оснований считать, что формами конкретного историзма русские овладели много позже, чем их соседи.

Такой угол зрения позволяет составителю сборника намного расширить круг произведений, которые можно считать историческими песнями. С. Н. Азбелев включает в свое издание устный по своему происхождению отрывок из «Слова о погибели Русской земли», памятника письменности XIII в. (в рукописном списке XV столетия) — прославление красоты русской земли (№ 1). В его издании находят себе полноправное место духовные стихи исторического характера (№ 2—5), «старшие» (XIV—XVII в.) и «младшие» (XVIII — начало XX в.) исторические песни. Весь этот материал в единой концепции книги (разделы: «От князя Владимира Святого до царя Ивана III», «Последние цари династии Рюриковичей и Смутное время», «Царствование первых Романовых», «Царствование Петра I», «Царствования преемников Петра», «Царствования Екатерины II и Павла I», «Царствование Александра I», «Царствование Николая I», «Царствование Александра II», «Царствования Александра III и Николая II») представляется органичным и корректирует наши представления о русском историческом фольклоре.

Сборник, изданный С. Н. Азбелевым, значительно раздвигает хронологические рамки исторических песен, как они до сих пор заявлены в фольклористике. Достаточно сказать, что четырехтомный академический свод, подготовленный сотрудниками Института русской литературы (Пушкинский Дом) в 1960—1973 г.¹, нижнюю границу жанра фиксирует XIII в. — исторической песней-балладой «Авдотья Рязаночка», отражающей, по мнению исследователей, разгром ханом Батыем в 1237 г. Рязани. Верхняя граница в названном издании определяется Крымской войной 1853—1856 г. Идеологические установки тоталитарного режима не позволяли фольклористам довольно значительный пласт поздних исторических песен, посвященных царствованиям последних трех императоров из династии Романовых, включать в сферу своего исследования. Предполагалось, что народ не мог воспевать ни военные победы, бывшие при Александре II, Александре III и Николае II, ни самих царей, с которыми боролись несколько поколений русских революционеров (народовольцы, эсеры, большевики), искренне убежденных, что именно они воплощают в себе социальные чаяния и ожидания угнетаемых слоев общества.

Антология «Русская историческая песня», подготовленная Л. И. Емельяновым для «Библиотеки поэта»², несколько изменяет хронологические рамки жанра. Она, в отличие от академического четырехтомника, исключает песни-баллады «Авдотья Рязаночка», «Девушка спасается от татар»,

¹ Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960; Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966; Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971; Исторические песни XIX века / Изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Дитвин. Л., 1973.

² Русская историческая песня / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

«Русская девушка в татарском плену», «Добрый молодец и татары», «Мать встречает дочь в татарском плену», традиционно датируемые XIII в. Издание начинается с песни «Щелкан Дудентьевич», жанровая природа которой, кажется, в настоящее время ни у кого из исследователей не вызывает сомнений (все сходятся на том, что это произведение является именно исторической песней); завершается же оно песнями времен русско-турецкой войны 1877—1878 г. Таким образом, здесь была сделана первая, еще очень робкая попытка прорвать стену идеологических запретов, включив в сферу внимания исследователей, занимающихся исторической песней, произведения времен Александра II.

В книге С. Н. Азбелева хронологически первым дается духовный стих исторического содержания «Борис и Глеб» (№ 2), описывающий трагическую судьбу сыновей Владимира Святого, первых русских святых-мучеников (1015 г.). Заканчивается же издание большим блоком песен, отражающих царствования Александра II, Александра III и Николая II. Стремясь показать историческую песню во всей ее объективности, исследователь включил в свой сборник произведения о противостоянии на Кавказе русских войск и чеченцев, предводительствуемых Шамилем; песни, отражающие продвижение русских в Среднюю Азию; тексты, воспевающие победы русско-турецкой войны 1877—1878 г., приведшей к освобождению болгар от пятисотлетнего ига турок; произведения, оплакивающие гибель от рук революционеров Александра II; песни о событиях, происходивших на Китайской территории в 1900 г.; наконец, тексты времен Первой мировой войны. Таким образом, в этом издании наконец-то был снят идеологический запрет на объективное отражение того, как сам народ в фольклорных произведениях воспринимал исторические события последних предреволюционных десятилетий.

Тексты в рецензируемом издании сопровождаются добротными историческими комментариями. Читатель в них получает возможность вспомнить не только о таких общеизвестных фактах, как Куликовская битва, покорение Иваном Грозным Казани, завоевание Ермаком Сибири, события Смутного времени, крестьянские войны под предводительством Разина и Пугачева, декабристское восстание и т.д., но ему даются также сведения о взятии русскими войсками туркменской крепости Геок-Тепе в 1881 г., о единственном военном конфликте в царствование Александра III в 1885 г. на приграничной с Афганистаном реке Кушка, о сложных политических столкновениях на Дальнем Востоке в 1900 г. и т. д. — факты, которые рядовому читателю вряд ли хорошо известны. Однако, если исторический комментарий в антологии почти безупречен, то фольклористический, на наш взгляд, недостаточен. Составитель, к сожалению, не указывает количества зафиксированных вариантов той или иной песни (что легко сделать по академическому четырехтомнику), а этот показатель для фольклорного произведения является немаловажным. Не говорится в комментариях и о месте записи и исполнителя публикуемого варианта. Эта составляющая устно-поэтического текста также чрезвычайно значима в осмыслении фольклорной традиции. Очевидно, например, что для поздней исторической песни весьма существенна традиция казачьих регионов.

В фольклористическом комментарии хотелось бы также видеть более обстоятельное и подробное указание на поэтические топосы, лежащие в основе многих исторических песен. Так, в примечаниях к песне о герое 1812 г. казачьем атамане Платове — «Платов у французов» (№ 189) — С. Н. Азбелев говорит о том, что мотивы этого произведения восходят к былинному эпосу. Но тезис этот исследователем не конкретизируется. Топос же, на котором построена песня о Платове, заложен еще в былине об Илье Муромце и Идолище. Там русский богатырь, как и Платов, неузнанным приходит к Идолищу, в котором сплетаются поздние черты исторического врага-татарина и древние черты мифологического чудища. Другая песня эпохи Отечественной войны 1812 г., также скупо прокомментированная составителем, — «Бессчастный сон» (№ 186) — у знатоков фольклорной традиции вызывает в памяти былинно-балладу о Казарине, где также наличествует диалог между врагами и плененной девушкой. Песня «Смерть Александра I» (№ 203), в которой жена царя, ожидая возвраще-

ния мужа и предчувствуя недоброе, выходит на «обахту», напоминает ситуацию, красочно описанную в «Слове о полку Игореве» в сцене с Ярославной на крепостной стене. Установление типологических связей исторической песни с более древними жанрами, на наш взгляд, помогло бы читателю глубже войти в фольклорную традицию.

Обратим внимания на другую, существенную сторону антологии С. Н. Азбелева. Помимо принципиально важного расширения хронологических рамок исторических песен, данное издание предлагает читателю во многих случаях новое прочтение произведений, уже давно введенных в научный оборот. Так, фольклорист реализует в своей антологии высказанную им в предыдущих исследованиях³ гипотезу о том, что многие песни, традиционно вписываемые учеными в канву исторических событий эпохи Ивана IV Грозного (годы жизни: 1530—1584; правил, первоначально номинально, с 1534 г.), на самом деле созданы много ранее, во времена деда названного царя, Ивана III (годы жизни: 1440—1506; правил с 1462 г.), именуемого в современных ему памятниках письменности также Грозным. Во всех трудах по историческим песням всегда высказывалось недоумение по поводу того, что скудные образцы песенно-исторического фольклора XIII—XV в. в XVI столетии неожиданно сменяются многоцветным, богатым пластом произведений, в которых запечатлелись события времен Ивана IV. Удовлетворительного объяснения этот феномен в науке до сих пор не нашел. Если же принять гипотезу С. Н. Азбелева, то расцвет «старшей» исторической песни будет позволительно отодвинуть со второй половины XVI в. на целое столетие раньше.

Исходя из своей концепции, исследователь песню «Царь молится по сыну» (№ 12; известна в единственном варианте) из сборника А. А. Догадина рассматривает в контексте династических противостояний между сторонниками Ивана Молодого, сына Ивана III от первого брака с Тверской княжной Марией Борисовной, умершего при подозрительных обстоятельствах еще при жизни своего отца в 1490 г., и приверженцами второй жены Ивана Васильевича, греческой принцессы Софьи Палеолог. Как правило, это произведение рассматривалось в науке наряду со знаменитой песней «Гнев Ивана Грозного на сына», известной во множестве вариантов и прочно в научном сознании прикрепленной к правлению Ивана IV. Следует сказать, что приурочение песни «Царь молится по сыну» к эпохе Ивана III представляется нам вполне правомерным.

Относительно основного массива исторических песен, обыкновенно в науке приписываемых XVI в., укажем на следующее. С. Н. Азбелев разные варианты одного и того же сюжета относит то к временам Ивана III, то к эпохе Ивана IV. При этом исследователь исходит из безусловно справедливого для фольклорных произведений положения о том, что в них сохраняются наслоения разных временных пластов. Следовательно, позволительно утверждать, что в одних записях сохранились черты ранних эпох, в других — более поздних. Тексты № 13 и 14 о гневе царя Ивана Васильевича на царевичей Василия (Дмитрия) Ивановичей ученый вписывает в эпоху Ивана III. Известно, что после смерти Ивана Молодого наследником престола был объявлен сначала Василий, сын Ивана III от Софьи Палеолог, но вскоре он попал в опалу, и в 1498 г. Иван III назначил своим преемником внука Дмитрия, сына Ивана Молодого; спустя несколько лет царевич Дмитрий и его приспешники впали в немилость Ивана III, а Василий вторично был благословлен на царствование. Соответственно варианты песни «Гнев царя на своего сына», которые другими исследователями всегда безусловно приписываются Ивану IV и связываются с известными событиями в Александровской слободе, когда царь в припадке гнева убил своего старшего сына Ивана, С. Н. Азбелев рассматривает как отражение разновременных событий времен Ивана III: первоначальное его благоволение к сыну Василию и последующее приближение к себе внука Дмитрия и затем опала на него. Третий и

³ Азбелев С. Н. О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 29. С. 60—79.

четвертый варианты песни «Гнев царя на своего сына» (№ 32, 33) С. Н. Азбелев публикует в контексте песен об Иване IV Грозном, указывая в комментариях, что в данных текстах отразились напластования XVI столетия.

Точно так же разные варианты исторической песни «Смерть царицы» исследователем разведены по эпохам Ивана III и его грозного внука. Текст из собрания П. И. Якушкина (№ 15), в котором героиня именуется Софьей Романовной, составитель относит к 1503 г., когда умерла Софья Фоминична Палеолог. Вариант из записей А. В. Маркова (№ 30) С. Н. Азбелевым вписывается в контекст XVI в., ко времени смерти первой жены Ивана IV Анастасии Романовны (1560 г.), в данном тексте не названной по имени (связь указанного варианта с правлением Ивана Грозного определяется просьбой умирающей царицы к своему мужу не жениться на Марье Небрюковне, за образом которой явно стоит реальный прототип — вторая супруга Ивана IV кабардино-балкарская княжна Мария Темрюковна, на которой он женился уже в 1561 г.).

Необходимо отметить, что гипотеза С. Н. Азбелева о том, что мощный пласт песен о царе Иване Васильевиче Грозном первоначально отражал события XV в. и лишь впоследствии сюда наложилось впечатление от эпохи Ивана IV, не получила в современной фольклористике безусловной поддержки. У этой точки зрения есть свои решительные противники. Тем не менее нам представляется концепция С. Н. Азбелева если не доказанной в ее окончательном виде, то, во всяком случае, чрезвычайно любопытной и даже остроумной и, без сомнения, имеющей право на существование. Думается, что вдумчивому читателю будет интересно познакомиться с таким взглядом на русский песенно-исторический фольклор.

Песни XVI в. явились не единственным объектом передатировки в антологии С. Н. Азбелева. Знаменитая историческая баллада «Авдотья Рязаночка» (№ 17) составителем относится не к 1237 г. (разорение Рязани Батыем), а вслед за недавней статьей А. О. Амеликина⁴ — к событиям 1505 г. в Казани, когда вассал Ивана III, впервые покорившего в 1487 г. Казань, хан Мухаммед-Эмин неожиданно заточил русского посла, убил многих русских людей, живших в этом городе и даже нарушил русские границы, осадив Нижний Новгород.

С. Н. Азбелев указывает, что в исторической балладе действие происходит в Казани и лишь прозвище героини связывает ее с Рязанью. Эта деталь и позволяет исследователю присоединиться к точке зрения А. О. Амеликина. Тем не менее, если гипотезу исследователя о приурочении песен об Иване Васильевиче Грозном к XV столетию мы принимаем с интересом, то данная передатировка песни об Авдотье Рязаночке нам кажется неубедительной. Обратим внимание на то, что в немногих сохранившихся вариантах этой песни (академическое издание дает три текста песни) город, откуда родом героиня, устойчиво называется «старая Казань». Это явный отголосок письменной формулы «Старая Рязань» (современная Рязань стоит в нескольких десятках километров от города, разоренного Батыем); эпитет «старая» по отношению к Казани в письменности не зарегистрирован. Устойчивое же прозвище героини Рязаночка не оставляет, на наш взгляд, сомнений в том, что содержание данной баллады надо связывать с историческими событиями именно русского города Рязани, а не татарской Казани.

Далее. Опираясь на гипотезу, высказанную в недавно опубликованной В. А. Бахтиной монографии о духовном стихе о Егории Храбром известного представителя старой «исторической школы» Б. М. Соколова⁵, С. Н. Азбелев включает в свою антологию и это произведение (№ 3). Согласно Б. М. Соколову, духовный стих о Егории можно квалифицировать как произведение об утверждении

⁴ Амеликин А. О. О времени возникновения песни об Авдотье Рязаночке // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 29. С. 80—85).

⁵ Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Бахтиной. М., 1995.

на Руси князем Ярославом Мудрым, в крещении Георгием, христианской веры. Эта гипотеза нас также не убеждает, и поэтому публикация данного духовного стиха в антологии исторических песен нам представляется сомнительной.

Тем не менее, несмотря на ряд несогласий с передатировками отдельных сюжетов песенно-исторического фольклора, мы не можем не признать, что сама проблема приурочения той или иной песни к той или иной эпохе существует. В последние годы появляется не так уж много фольклористических трудов по исторической песне, и оригинальные и смелые по своей мысли исследования С. Н. Азбелева, надеемся, окажутся катализатором, оживляющим разыскания в данной области науки о «живой старине». Читатель же с антологией С. Н. Азбелева получил прекрасную книгу, которая, помимо познавательной стороны, несет в себе еще и большой подлинно патриотический заряд.

